

<http://www.russian-cyberspace.com/?lng=Russian>

RUнет как предмет исследований

Влад Струков,

профессор департамента
российских и славистских
исследований
Центра мировой
кинематографии
Университета Лидса
(Великобритания).
Основатель и главный
редактор журналов
Static и Russian
Cyberspace Journal.
соавтор «Исторического
словаря современной России»
v.strukov@leeds.ac.uk

— Существуют ли принципиальные отличия в динамике и развитии Рунета — зоны русскоязычного контента Интернета — от других не-англоязычных зон (китайского, французского сегментов Сети и пр.)?

— Уже давно сложилось мнение, что Интернет в России — зона действия особого рода акторов, в большинстве — представителей образованных и технически подкованных слоёв населения. Для описания российских интернетчиков

Представляем своеобразный исследовательский проект – сетевой (он-лайн) «журнал исследований российского Интернет-пространства» (так, кажется, лучше всего можно перевести его оригинальное название – Russian Cyberspace Journal). Это издание – «мультимедийная платформа», как его определяет сам редакторский коллектив – предназначено для описания и анализа тех активностей и новых практик, о которых идёт речь в этом номере. Проект фактически обобщает и архивирует опыт использования Интернета, который иначе быстро уйдёт за горизонт видимости: в Сети всё так быстро меняется, и должен быть наблюдатель, который будет выявлять существенное и главное в этом потоке. Об особенностях российской зоны Интернета и о задачах этого нового издания – электронное интервью с его главным редактором. Беседовал ведущий рубрики Михаил Немцев.

я даже ввёл в своё время специальный термин – «цифровая интеллигенция»¹. И действительно, в 1990-е годы и в первые годы нового века так называемый Рунет существовал по законам воображаемого сообщества интеллектуалов. При Путине в Сеть пришёл массовый пользователь, вследствие чего многие социально-политические изменения в Рунете часто интерпретируются как результат вмешательства государства, а не появления нового типа юзеров. И, тем не менее, сохраняется тенденция восприятия Интернета как некой альтернативной территории, на которой могут реализовываться самые невероятные проекты.

Конечно, рамки Рунета очень трудно определить: так исторически сложилось, что Рунет – явление, которое гораздо больше российского Интернета. Рунет – это, скорее всего, сегмент Всемирной паутины, в котором преобладающим языком общения является русский или его варианты. Речь идёт не только об иммигрантах из России, которые проживают в США, Израиле или, как я, в Великобритании, но и о русскоговорящей диаспоре в странах

Средней Азии, и определённой части населения Украины и Беларуси, которая использует русский язык для общения он-лайн. Получается, что, с одной стороны, Рунет – это проекция советского проекта модернизации, а с другой, – мощное средство противостояния этому проекту. То есть Рунет можно рассматривать, например, как продолжение советской практики самиздата. С другой стороны, как показывает Кастельс, цифровые технологии в СССР привели к распаду советской империи. Это всего лишь один из парадоксов Рунета. В качестве других парадоксов российского Интернета я бы назвал достаточно высокую степень самоцензуры (такая, знаете ли, внутренняя модерация) в политических и социальных вопросах на фоне практически полного отрицания этических и коммерческих границ в других областях Рунета.

– Почему возникла необходимость в исследовании Рунета как особого пространства сети, ведь самим своим названием журнал выделяет российский сегмент Интернета из подобных, но основанных на других языках?

– Наш журнал возник как консорциум пяти исследователей из разных стран (Великобритания, Германия, Нидерланды, Россия и США), каждый из которых занимается цифровыми технологиями в своём поле научной

¹ Strukov, Vlad. Actors and Agents; Russian Internet and Civil Society (paper presented at St. Anthony's College, University of Oxford, UK, 9 June 2006) (*Влад Струков «Актеры и деятели: российский Интернет и гражданское общество»* (доклад на конференции в Колледже Св. Антония, Оксфорд, Великобритания, 9 июня 2006))

RUнет как предмет исследований

деятельности. Наш подход сочетает в себе социально-политический анализ и то, что на западе называется cultural studies; мы обращаем внимание на Интернет как на поле функционирования языка и поле конструирования языка; нас интересует взаимодействие цифровых технологий и творческих процессов, особенно то, что касается литературы и визуального искусства; мы наблюдаем, как в Интернете артикулируются разнообразные идентичности, и как Интернет функционирует как поле игры, и так далее. Другими словами, мы разрабатываем комплексный междисциплинарный подход к изучению Рунета. В настоящее время мы работаем над выпусками, организованными тематически: «Виртуальная власть: российская политика и Интернет», и «Товарищи или Одноклассники: российские социальные медиа». Однако в дальнейшем мы планируем перейти к более свободной структуре журнала, при этом будем издавать специальные номера, посвящённые наиболее острым проблемам Рунета.

То, что наш журнал называется «Russian Cyberspace» — где «russian» скорее переводится как русский, а не российский, чтобы подчеркнуть языковую основу феномена — не означает, что мы мыслим Рунет как некую уникальную зону, которая не поддаётся никакому общему описанию. Это, наверное, был бы подход советологов времен холодной войны. Просто это удобный термин, который достаточно чётко отображает сферу наших интересов, которую я бы, наверное, обрисовал как изучение взаимодействия российской и русской культуры с новыми цифровыми технологиями.

— Можно ли стать автором вашего журнала?

— Однозначно! Мы будем очень рады. Мы публикуем самые разные материалы, но в целом их можно разделить на три категории: 1) академические работы, 2) полемические выступления, и 3) художественные и литературные работы, которые отвечают задачам нашего журнала. Мы публикуем работы на 3 языках — русском, английском и немецком.

— **Какие направления исследования российской Сети наиболее интересны, — требуют особого внимания, станут темами специальных исследований в ближайшее время?**

— Как я уже сказал, наш первый номер был посвящён проблеме взаимодействия власти и Интернета. Нас интересовал такой вопрос: действительно ли Интернет в России оказывает серьёзное воздействие на политику, или многочисленные веб-сайты, электронные журналы и блоги в большей степени симулируют, нежели стимулируют политическую активность и участие общественности в принятии решений? Мы опубликовали десять статей, в которых феномен виртуализации политики изучается под разными углами зрения: от использования новых медиа для политической мобилизации до проецирования некоторых глубоко спрятанных страхов и фобий. Мы использовали понятие «виртуальной политики» как метафору для обозначения общего развития российских новых медиа, которые, с одной стороны, являются инструментом политических технологий, а с другой, — рупором социальной оппозиции, а также культурной практикой в более широком смысле этого термина. Публикации этого номера получили большой резонанс: они были переведены на другие языки или опубликованы в других изданиях, нас пригласили выступать на конференциях в США и других странах, мы начали сотрудничать с Би-Би-Си, и так далее. Я бы хотел подчеркнуть, что такой успех определяется не только качеством проделанной работы, но и выбором самой проблематики. Другими словами, западные СМИ и академические издания продолжают интересоваться именно политический потенциал российских новых медиа, в то время как нас и, я думаю, других исследователей больше интересует появление и функционирование новых социальных и художественных проектов, проблема трансформации концепции знания и авторства, изменения в области русского языка, новые формы письма. Например, меня лично очень интересует визуальный язык Рунета, особенно компьютерные игры, цифровая мультипликация, видео, телеканалы в Интернете, и прочее.

— **Существуют ли особенности в использовании «социального Интернета» (социальные сети, блоги, рекомендательные сервисы и т.д.) в России в сравнении с «Европой» в целом или США?**

— Именно об этом наш следующий номер. Мы планируем опубликовать ряд статей, которые исследуют практики российского социального Интернета. Это будут очень разные работы: одни пытаются создать некие универсальные модели этого сегмента Рунета, другие обращаются к анализу конкретных блогов и сетей. Наверное, главный вопрос, на который мы пытаемся ответить: как трансформируются технические платформы в конкретном политическом и культурном пространстве, какое наполнение получает Интернет-среда в современной России, какие привычки и приемы общения из советского прошлого продолжают определять состав и функционирование социальных сетей. Я сомневаюсь в том, что сейчас кто-то может предложить единое описание социального Интернета, так как он находится в постоянном развитии. С другой стороны, мне представляется очень важным продолжить наше наблюдение за социальными сетями, выработать способы описания и обработки деятельности участников социальных сетей и таким образом получить материал, который мог бы указать на определённые тенденции и закономерности.

